

БЮЛЛЕТЕНЬ

63

БЮЛЛЕТЕНЬ

**СОВЕТА РОДСТВЕННИКОВ УЗНИКОВ
ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ В СССР**

*«Помните узников, как бы и вы
с ними были в узах и страждущих...»*

Евр. 13, 3

63

Москва, 1979 г.

«ДА ПРИДЕТ ПРЕД
ЛИЦО ТВОЕ
СТЕНАНИЕ УЗНИКА...»

Пс. 78, 11

*«Утешайтесь надеждою; в скорби
будьте терпеливы, в молитве посто-
янные» (Рим. 12, 12).*

Дорогие братья и сестры, Господь, зная наперед скорбный путь церкви, во всякое время предлагает утешаться надеждою, проявляя терпение в скорби, и постоянно молясь своему Господу.

И в данное время Церковь Христа в скорбях. Вновь оторваны от нее ее верные сыны и отданы на глумление.

Новые аресты: осужден наш брат и служитель, благовестник Совета церковей, СКОРНЯКОВ Я. Г.

Штрафы и разгоны общений не прекращаются.

На фоне всех этих переживаний повсеместно усиленно предлагается регистрация общин с признанием богопротивного законодательства о культах.

Но, дорогие дети Божьи, будем терпеливы в скорбях наших, постоянны в молитвах, утешаясь надеждою на уготованную нам жизнь вечную, где Бог отрет всякую слезу.

Совет родственников узников ЕХБ

ВНОВЬ АРЕСТОВАНЫ

12 апреля 1979 года арестованы:

1. НАПРИЕНКО ВАЛЕНТИН ЕРОФЕЕВИЧ — 1950 года рождения, на иждивении 1 мальчик 1 год.
Домашний адрес: г. Донецк-87, ул. Фрунзе, 22; жена: Татьяна Никитична.
2. ДЖУРИК ГРИГОРИЙ ФАДЕЕВИЧ — домашний адрес: г. Донецк-49, ул. В-Новоселовская, 106.

Находятся в тюрьме г. Донецка, 340103, ул. Кобозева, 4, учреждение ЮЦ 312/196.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР БРЕЖНЕВУ
ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР РУДЕНКО
СОВЕТУ РОДСТВЕННИКОВ УЗНИКОВ
ЕХБ В СССР
верующие г. Донецка

З А Я В Л Е Н И Е

Мы, верующие ЕХБ г. Донецка, ставим Вас в известность о непрекращающихся репрессиях, которым подвергается наша церковь.

Так 12 апреля 1979 г. были арестованы наши единоверцы, Наприенко Валентин и Джурик Григорий Фадеевич, которых вызвал на допрос ст. следователь прокуратуры г. Донецка тов. Казин, и домой они больше не возвратились. На вопрос родственников, где находятся арестованные, сл. Казин не дал никакого конкретного ответа. В свидании родственникам отказано. Относительно виновности арестованных ст. следователь заявил, что это является следственной тайной. Значит, арестовали и сами не знают за что, т.е. никакой конкретной вины нет, может быть за это время что-нибудь и выдумает следователь, и тогда эта следственная тайна прояснится.

Мы протестуем против такого произвола местных властей, это — попрание всех человеческих прав и свобод, когда арестовывают ни в чем неповинных людей, и даже не могут сказать за что, облакают это все следственной тайной, а потом фабрикуют дело, выдумывая всякие небылицы. Где, скажите, Вы встречали подобное? В какой стране и при каком режиме?

Мы с полной ответственностью заявляем Вам, что в действиях наших единоверцев нет состава преступлений; нам лучше знать наших родных и друзей. Это честные труженики, безупречные люди, искренние верующие, и власти подвергают себя ужасному позору, фабрикуя уголовное дело на наших братьев. Так могут завтра арестовывать всех верующих ЕХБ неизвестно за что, а потом фабриковать дела.

Ставим Вас в известность, что мы полны решимости отстаивать свое право на служение Богу всеми имеющимися у нас на это средствами.

Просим Вас прекратить произвол местных властей. Дайте указание об освобождении наших братьев и не навлекайте на себя и всю страну, вверенную Вам, гнев Божий. Воспользуйтесь долготерпением и примите разумное решение.

Ответ просим прислать по адресу: г. Донецк-8,
ул. Звездная, № 64
Хоменко Зинаиде Степановне.

15. 04. 79 г.

Подписали 28 чел.

ПРОКУРОРУ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
ПРОКУРОРУ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО РАЙОНА
г. БАРНАУЛА
СОВЕТУ РОДСТВЕННИКОВ УЗНИКОВ
ЕХБ В СССР

*«Я буду взирать на Господа, уповать
на Бога спасения моего: Бог мой услышит
меня» (Михея 7, 7).*

ЖАЛОБА

Я, Паульс Яков Абрамович, направил 2 февраля 1979 г. в прокуратуру СССР т. Руденко телеграмму-жалобу о незаконных действиях милиции над нашей семьей. И вот, 17 февраля я получил ответ из прокуратуры края, что жалоба направлена в железнодорожную прокуратуру для разрешения по существу. И вот, 21 февраля вновь получена повестка явиться в железнодорожную прокуратуру и угроза — подвергнуть приводу в случае неявки без уважительной причины, т.е. вновь будет дежурить милиция. И сейчас каждый стук в двери отзывается страхом в сердцах 10 несовершеннолетних детей, матери и отца, а взоры с ужасом направлены к дверям: наверное, милиция приехала забрать отца. Если по разбору жалобы, то зачем нужно было подчеркнуть в повестке примечание и следующие слова? Следовало бы указать, по какой причине вызывают. Я хотел было больше написать и описать все. Но пока решил поменьше, может, разрешится вопрос по существу и дадут письменный ответ. А, в случае дальнейших репрессий, я или семья вправе будем описывать больше и дальше.

Ответ прошу дать: г. Барнаул-39, Аграрный, 13,
Паульс Якову Абрамовичу.

22. 02. 79 г.

Паульс

МОСКВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ
СССР БРЕЖНЕВУ
ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР РУДЕНКО
СОВЕТУ РОДСТВЕННИКОВ УЗНИКОВ ЕХБ

*«И возрадуются все, уповающие на
Тебя...» (Пс. 5, 12).*

Мы, верующие с. Мартук, ставим в известность и благодарим, что на нашу просьбу вернуть отобранную духовную литературу, бумагу и деньги, нам вернули литературу, кроме литературы издательства «Христианин». Бумагу и деньги тоже не вернули.

Убедительно просим вернуть все.

Обратный адрес: Актюбинская обл.,
с. Мартук, ул.
Советская дом 5

Петерс Генрих Данилович

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД СКОРНЯКОВЫМ Я. Г.

*«Как поносят враги Твои, Господи, как
бесславят следы помазанника Твоего».*
Пс. 88, 52

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

над Скорняковым Я. Г.

(В сокращении)

Процесс начался 19 марта 1979 г. в понедельник в г. Джамбуле на девятом месяце пребывания Я. Г. в тюрьме и продолжался пять дней, т.е. до пятницы 23 марта 1979 г.

Областной суд тщательно скрывал начало процесса от верующих и даже родственников подсудимого, поэтому в первый день у здания суда находилась лишь небольшая группа друзей. Однако зал суда, вмещающий полторы сотни людей, был заполнен общественностью в составе преподавателей, директоров школ, работников предприятий, Горкома и Обкома партии и других организаций. Их впускали по пригласительным билетам. В последующие дни верующих с каждым днем становилось больше, и вход в зал сделался затруднительным. Верующих впускали на оставшиеся места, и лишь немногим разрешали стоять. Многие оставались на улице.

В судебном процессе участвовали судья Померанцева Е. П., два народных заседателя, гособвинитель Гершензон И. Г. (он же и следователь по делу), общественный обвинитель и адвокат Палаева З. И.

После опроса подсудимого по его анкетным данным, Яков Григорьевич заявил, что он отказывается от адвоката, и попросил его исключить из состава суда. Он прочитал выдержку из статьи Уголовного процессуального кодекса, где говорится о праве подсудимого отказаться от адвоката, и что суд обязан удовлетворить его ходатайства и отстранить защитника из состава суда. Однако суд, посоветовавшись, решил отказать подсудимому в просьбе. Далее, в связи с предъявленными ему обвинениями в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих общественный и Государственный строй, подсудимый заявил ходатайство о вызове в суд дополнительных свидетелей кого-либо из родителей замученного Вани Моисеева и его братьев, жену Библинко, Тищенко из Фрунзе и некоторых других, имеющих отношение к его делу.

Суд, посоветовавшись, вынес определение: в ходатайстве отказать. Тогда подсудимый заявил, что, ввиду отказа в удовлетворении его законных ходатайств, он не будет давать никаких показаний и отвечать на вопросы.

Судья зачитывает обвинительное заключение. Подсудимый обвиняется по ст. 130 ч. 2, ст. 200-1 ч. 1, чт. 164, ст. 170-1 УК Каз. ССР.

Судья: Подсудимый, признаете ли вы себя виновным по предъявленному обвинению?

Подсудимый повторил, что он отказывается отвечать на вопросы, говоря: «У меня есть заявление».

— Какое?

Он зачитал заявление, в котором снова повторил, что ввиду отказа в удовлетворении законных ходатайств, он не будет давать показания, и отвечать на

вопросы, и что не будет принимать никакую пищу, добавляя, что копию этого заявления он сегодня же передаст начальнику тюрьмы.

Судья снова стала задавать подсудимому вопросы, но он молчал. Тогда судья приступила к чтению показаний, данных на предварительном следствии, прерывая чтение вопросами к подсудимому, будет ли он давать показания, но он отвечал: только после того, как будут удовлетворены мои ходатайства.

Затем суд приступил к допросу свидетелей. Допрашивались преподаватели, члены комиссии, посещавшие собрания и составлявшие акты. Все они показывали, что на собраниях раздаются призывы не подчиняться законам, не ходить на демонстрации, свидетели утверждали, что в школах нет никаких притеснений по отношению к детям верующих родителей и т.д. и т.п.

В начале второго дня процесса (20 марта) продолжался допрос свидетелей.

После допроса каждого свидетеля судья спрашивала подсудимого: Есть ли у вас вопросы к свидетелю, но он отвечал: «У меня есть заявление».

Показания свидетелей касались молодежного общения 7 ноября 1977 г. праздника Жатвы, участия детей в богослужении пением и стихотворением и т. д. Подсудимый по-прежнему на все вопросы отвечал молчанием или: «У меня есть заявление». Общественность возмущалась, некоторые смеялись, говоря: «Ему нечего говорить!» Будучи больным и не принимая второй день пищи, Я. Г. чувствовал себя физически слабым.

Вдруг судья объявила, что сейчас будет прослушана магнитофонная запись допроса подсудимого, записанная с его согласия на предварительном следствии. Зал с большим вниманием слушал запись — беседу следователя Гершензона с Я. Г. Скорняковым. Вопросы касались регистрации общины, ходатайств, денежных средств, связи с зарубежными радиостанциями и много другого.

У подсудимого была изъята какая-то записка, в которой была заметка в отношении гимнов, передающихся в евангельских передачах. На регентском общении в г. Харькове Я. Г. просил братьев из немцев по приезде в ФРГ передать, чтобы христианские гимны пелись не на современные мирские мелодии.

Свидетель: Так это же и есть связь с зарубежными радиостанциями!

Я. Г. отрицал это, говоря, что никакой связи и контактов с зарубежными радиостанциями здесь нет, а только просьба, чтобы не пели гимны на мирские мелодии.

Тогда следователь напомнил о посылках, которые получали некоторые верующие из-за границы говоря, что это, несомненно, является платой за информацию, и что просто так никто присылать не будет.

Я. Г. ответил, что «...когда меня осудили в первый раз в 1967 г., у меня оставалось девять детей, причем старшей из них было 14 лет, а младшей 23 дня. Вы, может быть, были бы рады, если бы моя семья умерла с голоду, но Бог расположил сердца народа Своего, и они проявили заботу».

Далее Скорняков объяснил, что не распространял клеветнических измышлений, но что заявления и ходатайства, которые писала община, были основаны на конкретных фактах. Он привел в пример свою дочь Любу, как учительница на уроке истории, вместо того, чтобы говорить о религии древних народов, говорила о том, какой у Любы нехороший папа, фанатик, преступник, и т.п. И как ученики после того издевались над ней и она приходила домой со слезами, говоря: «Не буду ходить в школу».

В общем, допрос, передававшийся через ленту, был интересным, чувствовалось, открыл многим на правду глаза. Они увидели, что подсудимый не из тех, кому «нечего сказать».

Судья: Подсудимый, подтверждаете ли вы то, что было прослушано?

Скорняков: Подтверждаю.

После этого, суд по просьбе подсудимого вызвал свидетеля директора школы № 20 Вершинину. Подсудимый задал ей вопрос:

Скажите, кто дал вам указание составлять списки детей верующих родителей и график дежурства учителей на собраниях верующих?

Вершинина возмущенно отказалась отвечать на вопросы, называла подсудимого мракобесом, попросив суд назначить ему самую строгую меру наказания.

Скорняков: — Расстрелять?

Вершинина: — Да! Если бы была моя воля — расстрелять!

Был допрошен еще ряд свидетелей, подсудимый в их допросе участия не принимал.

На третий день суда 21-го марта был вызван ряд верующих свидетелей. Суд приступил к выслушиванию заключения технического эксперта, который сказал, что литература, изъятая у верующих и выпущенная издательством «Христианин», сделана очень качественно, что требует определенного навыка и высокой квалификации, что этим занимались люди опытные, подготовленные и знающие дело.

Суд продолжал допрос неверующих свидетелей. Были допрошены соседи молитвенного дома. Вопрос судьи одному из них:

— Верующие мешают вам отдыхать? Свидетель отвечал:

— Нет, не мешают. Когда я отдыхаю, я их не слышу. Они, наверно, в это время тоже отдыхают. *(Смех в зале)*.

Другой сосед сказал, что ему мешают отдыхать, что ему надоели заунывные песни, да еще рано утром, (хотя утреннее собрание начинается с десяти часов утра).

Суд вызвал верующего свидетеля Колосова В., отца 14 детей. Он отказался отвечать на вопросы, мотивируя тем, что ходатайства подсудимого законны, а суд их не удовлетворил. Суд ушел на совещание, после чего вынес определение: «За отказ от дачи показаний возбудить уголовное дело на свидетеля Колосова В».

Были вызваны еще ряд верующих свидетелей — Яша Скорняков, Клочан Павел, сестра Катя. Они также отказались давать показания. В зале слышалось возмущение. Подсудимый снова просил разрешение сделать заявление. Судья разрешил.

Подсудимый: Я вначале прочитаю короткие слова основоположника коммунизма Карла Маркса. (В зале смех, возмущения). Против подсудимого висел портрет на стене Карла Маркса. Скорняков указав на него рукой, громко спросил: «Что! Вам этот портрет не нравится? Зал моментально утих».

Подсудимый прочитал о том, что каждый человек, являясь членом общества, связан с ним сотнями нитей. И, если даже он совершит преступление и таким образом порвет одну из нитей, то останется еще много других, и к нему нужно относиться как к члену общества, отцу семейства, гражданину.

«Слышите? Гражданину!» — обратился он к общественному обвинителю, который особенно подчеркивал, что Скорняков подсудимый, а не гражданин.

Затем подсудимый, с целью облегчить работу суда, заявил, что не настаивает на вызове всех упомянутых свидетелей из других городов, кроме необходимых. Он просил также вызвать еще двоих свидетелей из верующей молодежи, которые присутствовали на Талгарском и Джамбульском общениях.

И еще, чтобы разрешили ему побеседовать с адвокатом в течении 5 минут. Суд, посоветовавшись, вынес решение удовлетворить просьбу о двух свидетелях и встрече с адвокатом, после чего из зала суда вызваны свидетели Цибикова Таня и Есмаева Люда. Хотя основные ходатайства подсудимого не были удовлетворены, он заявил, что будет задавать свидетелям вопросы и, ради жены и детей, станет принимать пищу.

Первую вызвали свидетеля Цибикову Таню:

Подсудимый: Скажи, Таня, ты была на Талгарском общении молодежи?

Свидетель: Была.

Подсудимый: Меня обвиняют, что я на общении призывал молодежь не подчиняться властям, расскажи, что ты знаешь об этом?

Таня рассказала, что христианская молодежь любит бывать в общении, особенно на природе, в горах. Что это общение было организовано по инициативе молодежи, которая приготовила тему о втором пришествии Христа. Они попросили Якова Григорьевича, которого молодежь очень любит, провести беседу на эту тему. Что на общении пелись христианские гимны, рассказывались стихи, и что никаких призывов о неповиновении властям не было.

Таня показала, что никакого нарушения порядка там не было, что, после общения, молодежь тщательно убрала весь мусор. Что стога сена остались стоять так же, и что даже маленькая речушка продолжала течь в том же направлении, и не был нарушен водный режим гор, как об этом написано в акте, составленном представителями власти в то время.

Таня рассказала, что и 7 ноября 1977 года на общении молодежи в молитвенном доме не было никаких выпадов против власти, что это был праздничный, свободный от работы день, и молодежь решила собраться вместе.

Свидетель Есмаева подтвердила то же самое.

К концу третьего дня был вызван свидетель Воробьев. Судья просила рассказать о роли Скорнякова в общине.

Воробьев, от имени церкви, выразил сожаление о том, что законное ходатайство подсудимого не было удовлетворено. *(Судья прервала, требовала говорить по существу).*

Воробьев: Прежде чем отвечать на вопросы, которые вы мне задаете, я хочу рассказать то, что я знаю по этому делу, по тем обвинениям, которые предъявлены подсудимому. И Воробьев стал давать показания конкретно по каждому пункту обвинения в отдельности. Судья постоянно пыталась его перебить, требуя отвечать на ее вопросы, но Воробьев повторял, что будет отвечать на вопросы только после того, как расскажет судье все, что знает по этому делу. Судья перебила, но он подробно объяснил, почему община до сих пор не зарегистрирована. Затем он стал рассказывать об отношении подсудимого к властям, что оно основано на Евангелии, что нужно повиноваться властям лишь в гражданских вопросах и то только лишь в тех случаях, когда это не противоречит Писанию. Таково понимание всякого искреннего христианина. Судья снова перебивает, но свидетель говорит, что, много раз слушая проповеди Скорнякова, он никогда не слышал от него призыва не выполнять гражданских обязанностей, например, честно трудиться, так как сам всю жизнь трудился, имея около 30 лет трудового стажа. Судья перебивает Воробьева, говоря, что это не по существу, что он свидетель, а не защитник. Свидетель же стоял на своем, говоря, что он будет отвечать на вопросы только после того, как расскажет все, что знает по делу. Судья говорит: «Это нам не нужно!»

Воробьев: Нет, это нужно. Вам предстоит решать судьбу человека. Вам необходимо выслушать не только сторону обвинения, но и то, что скажут в его оправдание

Судья спросила участников процесса, каково их мнение, не прекратить ли показания свидетеля?

Гос. обвинитель предупредил свидетеля говорить по существу

Общ. обвинитель и адвокат повторили то же.

Судья: Подсудимый Скорняков, ваше мнение?

Подсудимый: Я предлагаю дать возможность свидетелю сказать все, что у него есть. Вы говорите, гражданин судья, что уже поздно, вечер, но у меня впереди много времени, целых 5 лет, так что наберитесь терпения и слушайте. Вам предстоит решать мою судьбу.

Воробьев продолжал говорить о Талгарском общении, о литературе. Судья снова перебила его, и с большим трудом, в восьмом часу, Воробьев закончил свои показания.

Судья еще потребовала: Свидетель Воробьев, вы не ответили на мой вопрос, расскажите о роли Скорнякова в общине.

Воробьев: Его основная роль в общине заключалась в том, чтобы проповедовать Евангелие.

Судья: Это нам не нужно. Расскажите о его клеветнической деятельности.

Воробьев: Неужели я буду говорить о том, что вам хочется? Я буду говорить о том, что я знаю.

Затем судья на протяжении примерно получаса пыталась задавать свидетелю вопросы из какого-либо документа в деле, подзывала Воробьева и показывала ему.

— Вы посмотрите, что здесь написано. Свидетель просил, чтобы документ был зачитан вслух, но она находила другой, вычитывала отдельные фразы: беззаконие, гонения и т.д. Затем посмотрела на часы и объявила перерыв до 10 часов утра следующего дня.

Утром 4-го дня суда ожидалось продолжение допроса свидетеля Воробьева, но слово было предоставлено научному эксперту Васильеву. В своей речи Васильев назвал всю взятую литературу клеветнической.

Судья: Подсудимый, есть у вас к эксперту вопросы?

Подсудимый: Да, есть и много. Гражданин эксперт, скажите, какую именно литературу изъяли в моем доме?

Эксперт роеется в записках, говоря: мне неизвестно.

Судья: Подсудимый, я снимаю ваш вопрос?

Подсудимый: Но ведь меня обвиняют в том, что в литературе, изъятой в моем доме, содержится ложь и клевета. Вы будете основываться на заключении экспертизы. Это ведь нужно доказать. Назовите мне литературу, где содержится ложь и клевета? В моем доме была изъята, в частности, книга Рогозина «Существует ли загробная жизнь?» Там так же ложь и клевета? «Путешествие пилигрима», Библия, — в них тоже ложь и клевета?

Эксперт стоял в замешательстве.

Судья: Подсудимый, я снимаю ваш вопрос. Спрашивайте по существу.

Подсудимый: Я спрашиваю по существу. Меня в этом обвиняют.

Судья: Не отвечайте ему, эксперт.

Подсудимый: Не отвечаете? Очень хорошо. Этим вы еще раз показываете, какой здесь происходит «справедливый и беспристрастный суд».

Судья: Подсудимый, вы не забываете, где вы находитесь. Вы находитесь в суде. Вы, подсудимый, вы нарушаете все нормы поведения в суде.

Подсудимый: Не я, а вы нарушаете все нормы поведения в суде. Почему вы не разрешаете мне задавать вопросы эксперту?

Судья: Задавайте вопросы.

Подсудимый: В своем заключении вы утверждали, что в литературе, изъятной у меня, содержится призыв отказаться от клятвы на военной службе. Укажите пожалуйста, в какой конкретно книге содержатся такие призывы?

Эксперт снова начинает рыться в своих бумагах.

Судья: Подсудимый, мы в последний раз предупреждаем вас. Задавайте вопросы по существу, или мы вынуждены будем прекратить допросы!

Подсудимый: У меня еще вопрос. Вы утверждаете, гражданин эксперт, что в нашей детской литературе содержатся клеветнические измышления. Я попрошу вас назвать хотя бы одну такую книгу, указать страницу и прочитать выдержку.

Эксперт роется в бумагах, а судья снова заявляет:

Но тут эксперт нашел что-то и читает:

«Привет вам Христово цветущее племя,
Рожденное в бурях великой судьбой,
Вас грозно встречает последнее время
Зовет на последний решительный бой».

Подсудимый: Это что, тоже детская литература?

(Смех в зале)

Эксперт стоит растерянный.

Чувствуется, что общественность в зале смущена, она ожидала другого. Судья объявляет перерыв на 10 минут, но длится он минут 40. Затем судья объявила об окончании судебного следствия, хотя осталось еще 20 не опрошенных свидетелей.

Подсудимый: А как насчет моего ходатайства о вызове свидетелей из других городов?

Судья: Этот вопрос уже решен, к нему возвращаться не будем. Суд приступает к прениям сторон. Слово предоставляется государственному обвинителю.

Речь его длилась 1 час 10 минут. В своей речи он подтвердил обвинение по всем четырем статьям, хотя суд не подверг тщательной проверке ни одно из обвинений. Затем он сказал:

— Я долго думал, есть ли у подсудимого какие-либо смягчающие обстоятельства? И, к сожалению, не нашел. Обвинитель просил суд назначить подсудимому наказание:

По ст. 130 ч. 2—3 года

— " — 164 — 6 месяцев

— " — 200 ч. 1—4 года

— " — 170 ч. 1—3 года

Судья объявила перерыв до завтра.

Последний, пятый, день суда начался речью общественного обвинителя. Речь его дышала злобой и имела более политическую окраску, чем речь государственного обвинителя. Он говорил о связи с заграницей, показал иллюстрации из зарубежных журналов, рисующих нашу деятельность в неприглядном свете. В конце он просил суд назначить подсудимому самую высшую по статьям меру наказания.

После него говорил адвокат. Ее речь произвела на присутствующих самое неприятное впечатление. Это было не обвинение и не защита. Чувствовалось, что ей не хотелось обижать обвинителей, и она часто говорила:

«Конечно, это противозаконно, но мой подзащитный, видимо не знал этого, он искренне заблудился» и т.д. в этом роде. Она просила суд не очень строго наказать подсудимого.

ЗАЩИТИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Я. Г. СКОРНЯКОВА

(Записано на магнитофонной ленте. Сокращено. Речь постоянно перебивалась судьей, которая не давала говорить и тем самым нарушала всякие нормы благоприличия и добросовестности, попирала принципы не только юридической, но и общественной морали.)

Подсудимый, в частности, говорил:

— Когда здесь начался процесс, мне в свой адрес, со стороны свидетелей обвинения и со стороны государственного обвинителя, пришлось услышать немало нелестных эпитетов. Таких как, например, сказал и общественный обвинитель, что я — матерый преступник, злостно ненавидящий наш общественный и государственный строй и т.д. и т.п.

В книге «Право на защиту» есть такой параграф:

«Право определить виновность человека, гражданина, принадлежит единственному суду. И до того момента, пока не вынесется обвиняемому судебный приговор и не зачитается в судебном заседании, никто не имеет права называть его преступником». Этим правом не обладают не только общественный обвинитель или свидетель, выступающий в зале суда, этим правом не обладает даже государственный обвинитель. Так написано на основании статей закона.

Конечно, для меня, как для личности, слушать эти поношения оскорбительно, а как для христианина, признаюсь чистосердечно, было очень радостно. Потому что, сами того не ведая, свидетели обвинения оправдывают слова Евангелия, которое говорит: «И пронесут имя ваше, как бесчестное за Меня».

Судья *(перебивает)*: Подсудимый Скорняков! Говорите по существу предъявленного вам обвинения!

Подсудимый *(не прерываясь, продолжает)*: Вот, что выпало на мою долю, и я благодарю моего Господа за это. Это короткое вступление перед моей защитительной речью.

Мне предъявлено судебными органами обвинение по четырем статьям, и я также начну говорить о каждой из них отдельно, на основании обвинительного заключения, которое мне было вручено.

Статья 130 часть 2 говорит о нарушении законов об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Повторная деятельность по этой статье наказывается лишением свободы от 2-х до 3-х лет, что и просил мне государственный обвинитель. В обвинительном моем заключении следовали обвинения, предъявленные на основании этой статьи, а именно: «организационная деятельность и ее направление».

Чем я занимался, как руководитель Джамбульской незарегистрированной общины ЕХБ?

Я — христианин с 1948 года. Самой главной целью моей жизни, из которой я уже прожил на земле больше полвека, уже исполнился 31 год со дня моего уверования в Иисуса Христа, была проповедь Евангелия, как и показывают свидетели.

Судья: Подсудимый Скорняков, говорите в пределах предъявленного вам обвинения!

Подсудимый: Свидетели, проходившие здесь и знавшие меня лично многие годы...

Судья: Подсудимый Скорняков, вас суд предупреждает, говорите по существу обвинения.

Подсудимый (*не прерываясь, не изменяя тона*): Гражданин судья! Я прошу вас, не прерывайте. Это по существу предъявленных мне обвинений.

Судья: Это не по существу, это вас не касается.

Из зала суда: Вы говорили, вам никто не мешал!

Подсудимый: Меня обвиняют в том, что на многочисленных собраниях, в которых я присутствовал, во многих районах нашей страны, я в своих проповедях, якобы, ничего другого не высказывал, как только клевету на наш общественный и государственный строй, отвлекал граждан и, более того, молодежь от исполнения гражданских обязанностей. Я сегодня должен засвидетельствовать, что это — настоящая ложь и клевета! Никогда я в своих проповедях не допускал выпадов, злобно порочащих какое-либо должностное лицо, и тем более наш общественный и государственный строй.

У меня при обыске изъяли многочисленные конспекты моих проповедей. На одном из предварительных допросов я сказал Иосифу Григорьевичу: «У вас много моих конспектов, давайте возьмем сюда и посмотрим, они очень кратки по содержанию, где в них находятся клеветнические измышления? На какую бы тему я ни говорил, она была определенной — призыв грешников к покаянию, воспитание верующих в чистоте жизни своей, в добром отношении к семье между родителями и детьми, между супругами, в честном отношении к своим гражданским обязанностям на производстве. У меня есть многочисленные конспекты и суд, если бы хотел действительно беспристрастно разобраться, то мог бы ясно видеть, о чем идет речь. А если было не понятно, то могли бы спросить, что за проповедь: «Не ссорьтесь на дороге», или «Живите в любви» и т.д. и т.п.

Я категорически отрицаю эти лживые обвинения в мой адрес, что якобы занимался противообщественной, противогосударственной и, тем более, антисоветской организационной деятельностью. Я просил гражданина следователя послать запросы в любую церковь, любого города. Вы у меня забрали записную книжку, где были короткие отчеты о нуждах церковей многих городов, где собираются верующие. Сделайте запросы и вам ответят, о чем говорил Скорняков.

Судья: Подсудимый Скорняков, говорите по существу предъявленного вам обвинения.

Подсудимый: Я говорю только по существу предъявленного мне обвинения.

Общественный обвинитель, читая из «Братского листка», где помещено извещение о моем избрании в отдел благовестников СЦ ЕХБ, умышленно или по неведению спутал, что меня якобы избрали в отдел для укрепления Совета родственников узников, это неправильно. Я не был в Совете родственников узников и не мог быть, так как в моей семье никто не находился в заключении. И они в связи с этим проводят свою деятельность. При обыске в нашей церковной библиотеке была изъята книга: «Дом Божий и служение в нем». Я просил гражданина прокурора, прежде чем составить обвинительное заключение, прочесть эту книгу и особенно раздел «Благовестник и его служение», в чем оно заключается. Вас сегодня возмущает, если я упоминаю Христа, Евангелие, но иначе не скажешь о деятельности благовестников. Вот почему я выразил недоверие суду в самом начале, спрашивая, есть ли в составе суда хоть один верующий человек. Меня некоторые из зала осмеяли. В нашем религиозном языке есть такие термины и определения, которые вы не понимаете.

Судья: Подсудимый Скорняков, нам о религии говорить не надо.

Подсудимый: Я не о религии говорю, гражданин судья. Я говорю по существу предъявленных мне обвинений. Вы не давали говорить свидетелям, которые обстоятельно, по существу говорили. Не даете говорить и мне последнее защитительное слово для того, чтобы выяснить сущность всего, чтобы вы хотя бы немножко поняли и могли беспристрастно разобрать дело.

Я не знаю, прочитал ли Иосиф Григорьевич из этой книги о служении благовестника или нет, но в обвинительном заключении он не написал о том, как я действительно совершал служение благовестника, а свидетелей я ведь сознательно спрашивал, как они все эти годы понимали мое служение и каждый из них, сколько их допросили, засвидетельствовал, что мое служение было чисто христианским, религиозным.

По существу же ст. 130 нужно обратить внимание на некоторые подробности.

В декрете «об отделении церкви от государства», само название его говорит о смысле, в нем заложенном. Раньше церковь не была отделена от государства, она была правительственной церковью. Ее функции касались множества гражданских дел, которые ни по Евангелию, ни по государственному закону нельзя оправдать.

Все верующие, как я сегодня, очень рады и благодарны Богу, что в нашей стране был издан такой декрет. Я сегодня с чистой совестью могу сказать, что никогда не нарушал и не нарушаю декрет об отделении церкви от государства, а на самом деле стараюсь жить так, как учу, что церкви не должно быть дела до государства, она не должна вмешиваться в государственные дела, ни в систему просвещения, здравоохранения, ни гражданских порядков, т. е. как то было раньше в православной церкви, они делали акты о гражданском состоянии и т. д.

Нам это не нужно, у нас другая жизнь и другие идеи. Сегодня мне предъявляется обвинение в том, что мы, вопреки декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», организовали воскресную школу. Есть такие слова, подписанные В. И. Лениным: «Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом». Воскресная школа — это класс, это пособие, это грамотный учитель. Воскресной школы у нас не было, а она нужна нам, я бы сказал. Мне здесь бросил кто-то из учителей упрек, что я говорил где-то на школьном собрании, что, если бы была другая школа, я не сдал бы своих детей вам. Я вспомнил, да такой момент был, если он достоин обвинения, я готов сегодня повторить, пусть мне устрожат наказание.

Это было в классном собрании, когда моя старшая дочь Вера училась в 6 классе. Там разбирались успехи учеников и выставили к доске позора 9 неуспевающих в учебе детей, у которых в четверти были от двух до семи двоек. А потом коснулись дочери. Классная руководитель сказала, что по учебе к ней никаких претензий нет, и по поведению она скромная, но вот она не носит галстук. Другие родители потребовали от меня дать объяснение, и началась некоторая полемика. И потом я сказал: «Я хочу, чтобы мои дети не были безграмотными, я приветствую закон о всеобщем образовании, но насилия в деле образования не должно быть. Говорю откровенно, что если бы в нашей стране была общеобразовательная школа, с уклоном, не отрицающим религиозное воспитание, я с удовольствием отдал бы своих детей туда. Если ее нет, то я их посылаю в данную школу.

Относительно учебы и поведения, я первый помощник учителям и директорам, но что касается атеистического воспитания, не трогайте моих детей.

Мы, христиане, родили их не для того, чтобы воспитывать из них безбожников, и мы будем всеми силами защищать наших детей, пока бьется в нашей груди сердце. Мы желаем, чтобы они выросли христианами верными, искренними, трудолюбивыми. Я не имею каких-либо необходимых средств, которыми мог бы доказать, потому что был арестован, но просил следователя, чтобы он запросил уполномоченного по делам религиозных культов, где наши заявления на регистрацию общин, чтобы они были здесь и мы могли бы прочитать их содержание.

В течение 10 лет, будучи неоднократно на беседах в обл. исполкоме, горисполкоме, прокуратуре и других местах, я ничего другого от официальных лиц не слышал, как только: «Мы вас не признаем, мы вам запрещаем, будем судить».

Нам не давали ни одного письменного ответа, как основания для отказа в регистрации. Я и сегодня скажу, от лица нашей общины, что мы не против регистрации, но на законном основании, во исполнение Декрета «об отделении церкви от государства и школы от церкви», а не на тех принудительных и странных условиях, вытекающих из Положения о религиозных объединениях. Гражданин прокурор, вы, наверное, ознакомились с делом, там нет ни одного ответа на наши заявления. И это вам явный факт нарушения закона нашей страны, нарушение Указа Верховного Совета, где говорится, что в официальных органах в течение двух недель, не более, должны дать ответ на любое заявление, поступающее от граждан. Но таких ответов в течение 15 лет мы не получали ни одного.

Совсем не наша вина, что наша община, которая уже выросла до 200 членов, не имеет возможности проводить собрания как должно и в должных условиях.

Если регистрирующие органы сегодня хотели бы зарегистрировать нашу общину, то у них есть наше заявление, поданное в 1976 г. в январе, когда я был участником на той беседе в горисполкоме в числе семи человек.

Какие же требования мы там выставляли? — Абсолютно никакие. Как положено по форме, мы заполнили заявление, приложили список учредителей с полными анкетными данными — 20 человек. И, чтобы регистрирующим органам понятно было наше направление, мы к этому заявлению приложили Устав Совета церквей и препроводительное письмо. Сначала у нас не хотели брать это заявление. Я им сказал: «Сколько можно издеваться над гражданами, требовать от них десятки заявлений? Так не будет, если не возьмете сейчас, больше не напишем ни разу». Тогда только приняли у нас заявление, и мы им поверили. После, к стыду кого, не знаю, это заявление оказалось в КГБ. А мы ответа по сей день не получили.

Сегодня, гражданин судья и судебные заседатели, если вы внимательно слушаете и вникаете в сущность моей речи, вы должны будете снять с меня ст. 130, т. к. в нарушении законодательства о религиозных культах я не виновен. И вообще скажу, как я и в заявлении сказал, что, если бы в Положении о религиозных культах изменить параграфы 4, 17, 12, 53 и др., никаких конфликтов у государства с церковью и у церкви с государством не будет. Верующие всегда имели почтительное отношение и повиновение государственным органам во всех областях жизни, если само государство не посягает на их духовные права.

Теперь о расходовании средств. Мы составляем добровольное общество верующих граждан, частное общество, а не государственное. Какое же право

имеет проверять уполномоченный, неверующий человек, церковную кассу? В зарегистрированной общине каждый год дают отчет перед уполномоченным по делам религий о средствах верующих. Сегодня пришло время издавать новый Декрет, не об отделении церкви от государства, а об отделении государства от церкви, чтобы в церкви старшим пресвитером не был уполномоченный. *(Шум в зале.)*

Я говорю...

Судья: Подсудимый Скорняков, вам суд не давал права обсуждать законы.

Подсудимый: Говоря о ст. 130, которую мне предъявляют, и о том, как заявил адвокат, что, если бы мы зарегистрировались, то я не был бы на скамье подсудимых, то скажу: я не по заблуждению, а по гражданскому достоинству должен сказать: мне унижительно такая регистрация, как гражданину и как христианину!

Судья: Подсудимый Скорняков, вас суд предупреждает говорить в пределах предъявленного вам обвинения, вы уклоняетесь от этого. Нам не нужно читать здесь ваших проповедей, здесь не молебный дом, здесь суд.

Подсудимый: Я как раз и не читаю. У меня нет ни одной цитаты из Евангелия. *(шум в зале)*

Мне унижительно такая регистрация. Поэтому, когда вышло постановление разрабатывать проект новой Конституции, и опубликовано обращение ко всем гражданам вносить предложения, мы обсудили и написали письмо в конституционную комиссию. Копию же отослали в редакцию газет «Известия» и «Знамя труда» с просьбой их опубликовать. Мы предложили также и зарегистрированным братьям и сестрам это заявление подписать. На следующий день Уполномоченный по делам религии Акилбаев вызвал Совет зарегистрированной общины и запретил им подписывать письмо раскольников. Акилбаев превысил права и функции ЦК КПСС. Было обращение правительства ко всем гражданам принять активное участие, а он отговорил людей от этого участия. Наверное, это на его дальнейшую карьеру очень повлияло? *(смех в зале)*.

Так, в пределах предъявленного мне обвинения, по ст. 130, я не виновен, и ее нужно снять. Я желаю, как христианин и как служитель церкви, чтобы у верующих с государством и у государства с верующими были настоящие гражданские, честные и добрые отношения. Не будет нарушения и конфликтов — не будет и Совета родственников узников, о котором много придется еще вспоминать.

Перейду к ст. 200. Это, кажется, самая важная или самая страшная статья: «Посягательство на права граждан под видом исполнения религиозных обрядов. Организация или руководство группой, деятельность которой сопряжена с причинением вреда здоровью граждан, или с иными посягательствами на личность или права граждан, а равно с побуждением граждан к отказу от общественной деятельности или исполнению гражданских обязанностей».

Это статья ко мне не имеет никакого отношения. Здесь дважды повторяется слово: «под видом проповеди». Может быть, у неверующих есть еще сомнения в моей искренности, но я открыто и чистосердечно заявляю, что я не под видом, а действовал и действую по моим убеждениям, как верующий христианин и как служитель церкви. Что говорит мне Евангелие, то я и хочу делать. Нашему христианскому духу противно всякое лицемерие и прикрывательство, говорю это от всей души. Эта же статья относится к людям, которые, прикры-

ваясь религией, делают те или иные преступления. Или, например, побуждают граждан не исполнять гражданские обязанности.

Первая гражданская обязанность каждого человека — это труд. Самое хорошее свидетельство в оправдание против моего обвинения — это мой личный труд. Ведь о человеке судят по его труду. Или судите меня по моим детям. Все они трудятся. Если я в жизни сам так поступал, дети поступают, то как я мог кого-нибудь отвлекать от этой обязанности, трудиться?

Теперь, есть право граждан в нашей стране и обязанность учиться, и, если я в своей жизни так поступал, мои дети, которых я имею, учились и учатся в школе, то как же я мог кого-нибудь другого отвлекать от учебы, как выразился общественный обвинитель, что они «сами не разрешают своим детям поступать в высшие заведения учиться».

Когда Смарада Ваня, видно, с провокационными вопросами, приходил ко мне два раза и спрашивал: «Вот, я хочу поступить в институт, как вы посоветуете мне?» — Я ему говорил: «Ваня, от души тебе скажу, я очень уважаю образованных верующих и я жалею, что по жизненным условиям я не смог получить высшее образование. Но скажу тебе откровенно, что получить высшее образование в Советском Союзе — это уже большой подвиг, т.е. получить высшее образование и остаться христианином». Почему? Откровенно говорю, потому что в Советском Союзе, граждане судьи, никогда не был издан указ о всеобщем атеистическом образовании, однако в учебную программу введены предметы атеизма, которые обязательны для всякого человека, желающего получить высшее образование. А это — христианину преграда.

Ввиду постоянных помех со стороны судьи, подсудимому было очень трудно говорить. Речь его почти на каждом предложении прерывалась, так что теперь ее невозможно последовательно воспроизвести. В доказательство того, что его несправедливо обвиняют по ст. 200 в том, что он якобы призывал верующих не исполнять гражданские обязанности, такие как учеба, подсудимый говорил: «Я и сам хоть не имел возможности окончить высшую школу, но по сей день люблю читать, заниматься самообразованием. Дети мои все учились и теперь еще некоторые учатся. Я поощрял их вступление в различные полезные кружки, поэтому мог ли других отвлекать от учебы?»

Далее он опровергал обвинение в том, что он якобы призывал на собраниях молодежь не идти на военную службу, говорил, ссылаясь на то, что его дети служили в армии, служит из их общины молодежь и теперь. Еще, под посягательством на права граждан, прокурор и судьи имели в виду запрещение верующим вступать в брак с неверующими, используя тот факт, что подсудимый не разрешал дочери своей Вере, выходить замуж за чужого человека, и она, якобы, вынуждена была бежать от такого «мракобеса», как они выразились. Об этом писали в газете «Знамя труда». Подсудимый глубоко скорбел и возмущался тем, что его семейную трагедию сделали предметом всенародного надругательства.

Чтобы обвинить подсудимого в «посягательстве на личность», судьи приводили факты неучастия верующих в праздничных демонстрациях. Они имели в виду факт молодежного общения 7 ноября 1977 г. Подсудимый объяснил, что участие в демонстрации по Конституции есть не обязанность гражданина, а право, и он свободен, идти или не идти. И что 7 ноября, как в свободный день, молодежь пожелала провести в молитвенном доме собрание по собственному желанию. Верующие граждане по той же Конституции имеют право на отдых. Посягательством на права граждан и на личность судьи считают при-

сутствие подростков и детей на молодежных собраниях.

Подсудимый, в частности, говорил: «Меня на следствии спрашивал следователь:

— Ты раздавал на Талгарском общении литературу?

— Раздавал, только очень жалею, что мало было.

— А ты видел, кому давал?

— Почти не видел, там была молодежь, а не дети, там было много неверующей молодежи, за три минуты была пустая сумка. Вот, говорю, друзья, сумка пустая, больше нет ничего, и поднял сумку. И вообще, мы не принимаем в церковь (как православные попы крестят младенца) в детском возрасте, но принимаем в полном сознании, добровольно.

Поэтому он заявил, что обвинение по ст. 200 о посягательствах на права и личность граждан должно снято быть, как не имеющее никакого основания.

Что же касается работы издательства «Христианин» и распространения литературы, подсудимый сожалел, что мало потрудился в этом вопросе. Он говорил, что в нашей стране великая нужда в духовной литературе. И было бы очень хорошо, если бы общественность нашей страны не возмущалась, а заявила ходатайство в правительство о легализации издательства «Христианин», чтобы каждый желающий из них мог приобрести Библию не за 75 руб., как некоторые атеисты, вроде метода В. А. Шимконова, а получал даром. А, поэтому, обвинять меня за издание и распространение литературы, когда есть такая великая нужда, невыносимо, ведь лишит нас литературы — значит обречь на духовный голод. Я приведу такое маленькое сравнение. В нашей стране выпускается в год 32 миллиарда газет. Если в Конституции провозглашена такая свобода печати, тогда в каком книжном магазине можно купить одну христианскую газету? Ну где можно?

Судья: Об этом не нужно говорить.

Подсудимый: Если некоторым голодным удастся найти хоть кусочек хлеба.

Судья: Об этом не нужно говорить.

Подсудимый: Но мне предъявлено обвинение, гражданин судья. Если мне нужно признаться в вине по статье 164, то только за то, что я мало знаю об издательстве и мало помогал ему. Только в этом.

В общем, в своей защитительной речи, которая длилась 1 час 50 мин., подсудимый многими фактами полностью опроверг все применяемые к нему статьи. И это несмотря на то, что судья постоянно перебивала его, и ему невозможно было говорить. Чувствовалось, что речь эта произвела на слушателей положительное впечатление. И для того, чтобы это впечатление сгладить, гос. обвинитель после подсудимого снова начал говорить свою обвинительную речь в течение получаса.

После прокурора подсудимому представили последнее слово.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

(несколько сокращено)

У меня есть много, что сказать, но, так как вы не даете говорить, я буду краток.

Когда вы судите преступника, для вас это честь, а для него позор. Но когда вы судите невинного христианина, то для вас это позор, а для него честь.

Я быть люблю с друзьями на просторе.

Я — человек, мне трудно в клетке жить,

Но лучше вовсе мне не видеть воли,
Чем, испугавшись этой трудной доли,
Христа святому делу изменить!

Последние строчки уже судьи не слушали. Они встали, требуя прекратить и собирая дела, поспешили уйти в совещательную комнату. Но подсудимый сквозь шум и крики, усиливая голос, торжественно закончил:

Чем испугавшись этой трудной доли
Христа святому делу изменить!

Перерыв длился три часа, прежде чем стали запускать людей в зал. Перед этим, автобусом привезли еще общественность — студентов, чтобы, видно, заполнить зал и, как можно меньше, оставить места для верующих. Видя это, верующая молодежь отошла от входа и встала в стороне. Тогда прекратили запускать публику и предложили верующим заходить. Но зал уже был переполнен и кроме родственников, почти никто не зашел.

— Мы и так знаем, каким будет приговор — сказал кто-то из молодежи.

Судья долго читала приговор: 5 лет заключения с отбыванием в лагерях строгого режима, конфискация всех вещественных доказательств, конфискация личного имущества.

Верующая молодежь приготовила для брата цветы, и когда брата вели к машине, один из молодежи громко сказал:

— Яков Григорьевич!

И все дружно воскликнули:

— Приветствуем!

И множество живых цветов посыпались на брата. Так и зашел он в машину с цветами на плечах.

СВОДКА ХОДАТАЙСТВ

Церкви ходатайствуют о сохранении семьи Широковой Л. В., об освобождении вновь арестованных Коркодилове, Бугаенко, Наприенко, Джурик, Чех, о Кравченко, о Ткаченко, о Германюк С. Г., о свободе богослужений и общений в г. Харькове, Одессе, и др. городах, о снятии слежки, наблюдений и преследований семьи Винс Г. П., об отмене ему ссылки, о прекращении преследований членов Совета церквей, о прописке к семье брата Румачика П. В., о прекращении уголовного дела на Скорнякова Я. Г.

по поручению подписали:

церковь	города Измаила	Одесской обл.	7 ходатайств	13-37
— " —	г. Донецка		— " —	19
— " —	с. Редко-Дубрава	Алтайского кр.	— " —	51
— " —	р.п. Благовещенка	Алтайского кр.	— " —	59
— " —	г. Горького		— " —	39
— " —	г. Стаханова	Ворошиловград. обл.	— " —	3
— " —	г. Ворошиловграда		— " —	103

ОТВЕТЫ НА ХОДАТАЙСТВА

«Огрубело сердце народа сего...»
Ис. 6, 10

ПРОКУРАТУРА
Актыобинской обл.
29. 03. 79 г.
4-22-79

г. Краснодар, ул. Подгорная, 30
Рытиковой Галине Юрьевне

На Вашу жалобу, адресованную в ЦК КПСС и прокуратуру СССР, сообщаю, что по факту нарушения законодательства о религиозных культах, прокуратурой области возбуждено уголовное дело и проводится расследование, каких либо нарушений законности при расследовании не допущено.

И.О. начальника следственного
отдела облпрокуратуры
мл. советник юстиции

З. Ш. Лин

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
Сумской области
244626 г. Сумы, Кирова, 33
04. 04. 79 г. № 7/425

Ворошиловградская обл.
г. Краснодар-1, ул. Подгорная дом 30
Рытиковой Г. Ю.

Сообщаю, что по поступившему в прокуратуру области из прокуратуры СССР Вашему письму, по поводу отказа в установлении инвалидности жителю г. Сумы, гр-ну Кравченко Николаю Сергеевичу, произведена проверка.

Проверкой установлено, что, по направлению отдела социального обеспечения Ковпаковского райисполкома г. Сумы, гр-н Кравченко Н. С. с 29 марта по 6 апреля 1978 г. находился на обследовании в 4-й Сумской городской больнице.

По заключению врачебно-квалификационной комиссии (ВКК) 4-й гор. больницы, имеющаяся у гр-на Кравченко патология не инвалидизирует, в связи с чем он не был направлен на врачебно-трудовую экспертную комиссию (ВТЭК). От направления на областную конфликтную ВКК гр-н Кравченко Н. С. отказался.

Заместитель прокурора области
Ст. советник юстиции
Исп. Чернышенко 2-47-27
2 экз. К. В.

Н. Д. Демченко

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
СУМСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ОТДЕЛ
СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
244619. Г. Сумы, ул. Ленина, 36
14. 03. 79 г. № 11/169

Удмурская АССР Малопургинский р-н,
с. Пугачево, ул. Азина д. 11.
т. Быстрову Ф. Ф.

г. Брянск-14, ул. Дружбы, д. 6, кв. 13
т. Букиной Е. В.

г. Краснодон-1, Подгорная, 30
Рытиковой Г. Ю.

Ваше заявление, поступившее из приемной Президиума Верховного Совета СССР и Министерства Здравоохранения СССР, рассмотрено.

Сообщаем, что при обследовании в лечебном учреждении Н. С. Кравченко установлено, что последствия травмы не дают оснований для перевода на инвалидность и решением ВКК на ВТЭК не направлены.

Оснований на удовлетворения просьбы не имеется.

Зав. заведующего отделом
Врач — ст. инспектор ВТЭ

М. Я. Карпенко
Е. Я. Поречина.

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА
КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
22. 03. 79 № 4-30-2ж

Краснодон-1, Подгорная, 30
Рытиковой Г. Ю.

На Вашу телеграмму о невыполнении родительских обязанностей по отношению к своим детям отцом Носовым В. И. сообщая, что при проверке Ваши доводы не подтвердились.

Установлено, что Носов В. И. проживает с детьми, которые имеют все необходимое для нормальной жизни. Сын Юрий посещает детский сад, дочь Людмила учится во 2-м классе школы. Дети ни в чем не нуждаются. Они окружены вниманием, заботой, лаской не только со стороны отца, но и со стороны его жены, Бирюковой Н. В., которую называют мамой и с любовью относятся к ней.

Родная мать Носова Л. Ф., встречаясь с дочерью, пытается склонить ее к религиозным убеждениям, привлекает для этого членов секты, по этой причине девочка не хочет встречаться со своей матерью.

Вам и другим членам секты уже неоднократно давались ответы на жалобы, поэтому переписку с Вами и другими членами секты по этому вопросу считаем оконченной.

Ст. помощник прокурора области
Старший советник юстиции

Т. Н. Перова

Прокуратура СССР
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА
БЕЛОГОРСКОГО ГАРНИЗОНА
25. 01. 78 г. №

БЛАГОДАРНОСТЬ ЦЕРКВИ И ГОСПОДУ

Пишет освободившийся узник.

Всем христианам мира! Всем людям доброй воли!

«Мы гонимы, но не оставлены» (2 Кор. 4, 9).

«...Дабы за дарованное нам по ходатайству многих,
многие возблагодарили за нас» (1 Кор. 1, 11).

В течение 5 лет я был в заключении за имя Господа и был разлучен с семьей — женой и пятью малолетними детьми.

Все эти дни, месяцы, годы многие из Вас молились о нас, многие посылали письма со словами утешения, а так же посылки, бандероли и переводы. Все это время жена и дети были обуты, одеты, согреты, не оставлены заботой и вниманием.

Не имея другой возможности, через братский «Бюллетень» приношу сердечную благодарность всем вам. Пусть Бог обильно благословит всех вас.

Ваши брат и сестра Рая — Виталий Демченко.

28. 03. 79 г.

СОВЕТУ ЦЕРКВЕЙ ЕХБ

Дорогие друзья, братья и сестры, вы, которые трудитесь во благо семейств и родственников узников! Какой блаженный ваш труд! Ведь, оказывая им помощь, вы делаете это для самого Господа. Это сам Господь сказал (Матф. 25, 35-40).

Ваш труд известен многим-многим верующим, и они молятся за вас. Знайте, что труд ваш не тщетен пред Господом. Но вы этим благим делом служите не только родственникам узников, но и самим узникам. Какая отрада для них знать, что их любимые не забыты, но что вы о них печетесь с нежной любовью. Пусть Господь благословит в дальнейшем вас в вашем нелегком, но благословенном служении. Награду вы получите от самого Господа, когда Христос Сам вам скажет: «Хорошо, добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю, войди в радость господина твоего».

Мы молимся за вас, дорогие друзья!

Ваш брат и друг во Христе — Ярл Пейсти.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Сообщаем, что по молитвам и ходатайствам верующих:

Узнику Петерс П. Д. в лагере снята «красная полоса» (означающая склонность к побегу и угрожающая жизни).

28 апреля 1979 г. брат Винс Георгий Петрович решением Президиума Верховного Совета СССР лишен гражданства и выслан в США. Ему предстояла ссылка в Тюменскую область на срок 5 лет в исполнение решения приговора суда в 1975 году.

Совет родственников узников ЕХБ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Печаль и воздыхания удаляться».

Ис. 35, 10

ГОРЕ И СКОРБЬ ПРОЙДУТ
НАС РАДОСТИ В НЕБЕ ЖДУТ;
СТРАДАНИЕ ЗЕМНОЕ ПРОХОДИТ
И ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ С НЕБА К НАМ ПРИДЕТ
ДА, ГОРЕ И СКОРБЬ ПРОЙДУТ
НАС РАДОСТИ В НЕБЕ ЖДУТ.
БОГ ДА УКРЕПИТ ВСЕХ ВЕРНЫХ ЕМУ!

БОГ ДА УКРЕПИТ ВСЕХ ВЕРНЫХ ЕМУ!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. ВНОВЬ АРЕСТОВАНЫ	3
1. Заявление верующих г. Донецка	4
2. Жалоба брата Паульс, г. Барнаул	5
3. Телеграмма о возвращении литературы и о просьбе вернуть остальную литературу	5
II. СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД СКОРНЯКОВЫМ Я. Г.	6
III. СВОДКА ХОДАТАЙСТВ	20
IV. ОТВЕТЫ НА ХОДАТАЙСТВА	21
1. Письмо Демченко	23
2. Письмо Ярла Пейсти	23
V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	25